

Англия и Франция, две страны, разделённые морем и связанные трёхсотлетними узами родства, вели беспрецедентно кровавую и жестокую «войну расставания». Конфликт, корни которого уходили во времена Ричарда Львиное Сердце и Филиппа II Августа, спустя столетия разгорелся с новой силой, будто противники решили сражаться до скончания веков — или по крайней мере сто лет, чтобы выплеснуть всю накопленную друг к другу ненависть.

Фактически они сражались целый век — сто шестнадцать лет.

Отсюда и название — Столетняя война.

Однако в этом параллельном средневековье затяжная и разорительная война, вероятно, не продлится так долго.

Уже спустя чуть больше десяти лет после её начала Чёрный Принц, представлявший Англию, увидел проблески победы.

Конечно, немалая доля успеха пришлась на удачу. Возглавляя отряд всего из тысячи восьмисот рыцарей Ордена Подвязки, Чёрный Принц стремительно продвигался вперёд от Бордо, пересёк Гаронну — одну из пяти великих рек Франции — и опустошал центральные регионы, вплоть до самой столицы, Парижа.

Впрочем, «угроза Парижу» была очередным преувеличением английских бульварных листов.

Положение Чёрного Принца было незавидным. Он прошёл сотни миль, чтобы соединиться с войсками в Кале — единственном английском оплоте на севере Франции. Однако он не знал, что из-за дизентерии из девяти тысяч солдат гарнизона в живых осталось лишь четыре тысячи сто. Вместе с его рыцарями это составляло всего пять тысяч девятьсот человек.

А у французов, сражавшихся на родной земле, было тридцать шесть тысяч — в шесть раз больше.

Ситуацию усугубляло то, что англичане, включая самого Чёрного Принца, уже четыре или пять дней не ели нормальной горячей пищи — снабжение было прервано. Погода тоже не радовала: шёл противный мокрый снег. В незнакомой стране, на размытых дорогах, английские солдаты погрузились в пучину отчаяния. Многие считали, что даже Бог не спасёт их от этой катастрофы.

Хуже всего было то, что армии разделяли всего полмили — расстояние примерно в одно пшеничное поле.

С одной стороны — французские аристократы, у которых вино лилось рекой, с другой — измученные английские солдаты, включая самого главнокомандующего, у которого тоже не было еды.

Август, находившийся в Англии, и представить не мог, что его болтливый отец, писавший такие красочные письма, в основном полагался на воображение.

Реальность лучше всего описывалась словами одного позднейшего историка: «Несколько дней вы ночевали под открытым небом, метались, как затравленные псы, питались подобранными орехами да лесными ягодами, пили мутную воду из луж. Теперь вы продрогли и оголодали, стоять — сплошная мука, отчаяние и грязь, словно тяжёлый плащ, не дают думать, и вы готовы умереть в первом же бою».

— Мы действительно сможем победить? — спросил адъютант, который уже трое суток не смыкал глаз от тревоги. Он даже не понимал, обращается ли к Чёрному Принцу или просто спрашивает сам себя.

Чёрный Принц, давно утративший былой лоск, сплюнул снежную слякоть с привкусом земли и твёрдо сказал:

— Конечно, победим! Я должен вернуться к своему мальчугану! Разве я не говорил? Он уже звал меня на охоту на оленей, я не могу его подвести. В тех странных восточных книгах, что он любит читать, есть одна фраза. Запомните её...

Все солдаты, словно по команде, замерли и повернулись к своему командиру. Его лицо, обросшее бородой, больше походило на лик разбойника, чем на облик прекрасного бога войны. Но он по-прежнему оставался их вечной верой.

...

Тем временем в Англии никто не подозревал, в каком отчаянном положении находится Чёрный Принц.

Аристократы, погружённые в разгул, сопровождали короля, измождённого болезнью, в роскошной карете, которая за один день доставила их из Лондона в графство Кент — всего девяносто миль от столицы.

В средневековье, ещё до наступления индустриальной эры, графство Кент славилось как «сад Англии» — живописный край с холмами и реками. Август, ехавший в одной карете с Рафаэлем, глядел в окно на мелькающие поля и невольно вспоминал описание пейзажа из книг о Гарри Поттере, когда тот впервые ехал в Хогвартс.

Бескрайние пшеничные нивы, извилистые ручьи, зелёные холмы.

Графство Кент располагалось на самом юго-востоке Англии, иными словами — у самого моря, отделённое от Франции лишь проливом Па-де-Кале. Именно здесь начинался современный тоннель под Ла-Маншем. Две страны были так близки, что, стоя в Кенте, казалось, можно разглядеть порт Кале на французском берегу.

Разумеется, это было лишь воображение Августа.

— В последнем письме отец писал, что направляется в Кале, чтобы соединиться с войсками, верно? — память Августа была загадочной штукой. В учёбе она часто подводила: сегодня выучил, завтра забыл. Зато длинные, как трактаты, письма отца он запоминал до последней запятой.

— Да, судя по скорости доставки, возможно, он уже там, — ответил Рафаэль.

Август по-детски помахал рукой в сторону пролива. Он знал, что отец не увидит, но ему очень хотелось это сделать.

Рафаэль, сжалившись, притянул к себе худощавого юношу и крепко обнял, словно пытаясь с ним слиться.

— Ты думал о своём отце? — неожиданно спросил Август, уткнувшись в грудь Рафаэля.

За обе свои жизни у Августа был лишь один отец — Чёрный Принц, и они редко виделись. С тех пор как к нему вернулись воспоминания, он так и не встретился с ним лицом к лицу, ощущая отцовскую любовь лишь через строчки писем.

Вильгельм II, этот непутевый родитель, сильно повлиял на характеры обоих своих сыновей — вот только Ричард II стал от этого хуже, а Чёрный Принц, напротив, лучше. Ричард II не доверял даже собственной дочери, а Чёрный Принц старался любить своего сына за двоих — за себя и за покойную жену.

— Честно? Думал, — Рафаэль хотел было брякнуть что-нибудь вроде «С чего бы мне думать о том, кто меня продал?», но решил быть откровенным. Пока он не знал правды об отце, тот казался ему высоким, как гора, широким, как море, всемогущим, как бог. Впрочем, иллюзии развеялись быстро. — Иногда я даже думал: а что, если бы Вильгельм II был моим настоящим отцом? Может, было бы проще.

По крайней мере, тогда бы он с самого начала ничего от отца не ждал.

Увы, реальность оказалась иной.

У Ричарда II был отец, который чуть не позволил любовнице убить его; у Рафаэля тоже был отец, который продал его ради выгоды, при этом свято веря, что даровал ему всё, что у того есть.

Честно говоря, с точки зрения Рафаэля, Ричард II стал таким, каким стал, не без причин. Удивительно другое — как вырос Чёрный Принц. Подобно героям сказки о волшебниках, которую так любил Август, — спасителю и тёмному лорду, — имея схожее детство, они выбрали совершенно разные пути.

Рафаэль мог понять тёмного лорда. Спасителя — нет, да и не хотел понимать.

— Прости, — Август крепче вцепился в воротник Рафаэля. Он чувствовал полную зависимость от этого юноши и в то же время отчаянно хотел сам стать для него опорой.

— Извиняться не за что, — удивился Рафаэль. — Это ведь не ты подарил мне такого отца.

<http://bllate.org/book/15929/1424292>